

торыя окружали ихъ. Русые волосы ихъ разсыпались пышными волнами на свѣтлыхъ платьяхъ. Здоровыя, счастливыя личики дышали беззаботнымъ дѣтскимъ счастьемъ. Послѣдній ребенокъ ея, трехлѣтній мальчуганъ, пріютился въ уголку около ручки кушетки. Все вниманіе его было сосредоточено на пестромъ мячикѣ, сдѣланномъ изъ разноцвѣтныхъ шелковъ, который онъ съ величайшей осторожностью, систематически старался растрепать. Остриженный въ скобку, съ висящими по бокамъ свѣтлыми длинными кудрями, съ нѣжными чертами лица, одѣтый въ англійскаго покроя платьице съ большимъ воротникомъ, онъ былъ точно снимокъ съ картины Поль-де-Лароша, изображающей несчастныхъ дѣтей Эдуарда IV, задушенныхъ въ лондонской башнѣ по приказанію кровожаднаго Ричарда III.

Вѣра Андреевна радовалась жить, радовалась, что недавно еще потухавшіе глаза ея снова видятъ и небо, и море, и даль, и прелестныя лица дѣтей, и еще другой образъ, который въ жару и бреду горячки она всегда искала глазами и всегда находила. Вотъ и теперь онъ медленно двигался взадъ и впередъ по аллеѣ, доходя до самаго моря. Черный силуэтъ его то рѣзко выступалъ на яркомъ фонѣ прозрачнаго воздуха, то ступшевыался и сливался съ темной зеленью кустовъ.

Лѣтъ двѣнадцать тому назадъ, Вѣра Андреевна вышла замужъ за Петра Николаевича Веприна по любви. Все въ немъ нравилось ей—и пылкій темпераментъ, и впечатлительность его быстрого ума. Онъ на лету схватывалъ мысль и разбиралъ ее обширно и разносторонне. Въ выводахъ своихъ онъ часто заходилъ далеко, и упорно, съ глубокимъ убѣжденіемъ отстаивалъ истину своихъ положеній. Къ сожалѣнію, излишній пылъ въ Петрѣ Николаевичѣ, который иные называли крайностями, другіе просто съумасбродствомъ, навлекъ ему много непріятностей и поставилъ его въ несовѣмъ дружелюбныя отношенія къ его менѣ пылкой роднѣ. Возникли недоразумѣнія, почти ссоры. Родные упрекали его въ неугомонности, въ оригинальничаньи, въ томъ, что языкомъ своимъ онъ не только убиваетъ самому себѣ всякую разумную будущность, но и имѣетъ дѣлаетъ очень серьезный вредъ.

Постоянныя, мелкія препирательства, наконецъ, очень надоѣли Петру Николаевичу, и онъ рѣшилъ исключительно предаться прелестьямъ любви, уѣхавъ съ Вѣрой Андреевной на годикъ подъ небо какой-нибудь южной страны.

Матеріальныя условія Петра Николаевича были благопріятны: и онъ самъ, и Вѣра Андреевна оба имѣли хорошее состояніе, за